

Наталья Владимировна Панкевич

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7661-1754

ResearcherID: AAO-9803-2021

SPIN-код: 8940-7486

Российская государственность и западный стратегический нарратив: идентичность против риторического принуждения

Аннотация. В статье исследуются инструментальные и содержательные формы заимствования российской общественной теорией западных идейных комплексов в период после распада СССР; оценивается их повреждающий эффект, а также предложены некоторые направления противодействия их искажающему потенциалу. Показано, что процессе трансфера заимствованных идейных комплексов был задействован инструментарий, созданный в условиях конкуренции с советской/российской моделью и прямо предназначенный для экспертного обеспечения этой конкуренции. Заимствования были направлены непосредственно в ценностный центр системы и использовались для трансформации ее идентичтарного ядра. Инструментальный характер примененных техник раскрыт через понятие стратегического нарратива как техники семантического программирования политического опыта; выявлены его содержательные компоненты, квалифицирующие признаки и область действия в идейном, социальном и управленческом пространствах. В качестве стратегических нарративов рассмотрены распространенные смысловые комплексы, применяемые для описания и самоописания российской государственности. Установлена прямая зависимость субъектности государства от сохранения конфигурации социолингвистических систем, определяющих его идентичность, и способности противостоять риторическому принуждению со стороны внешних центров влияния. Предложен ряд направлений по защите и развитию репрезентационной силы РФ в современных условиях. В частности, показано, что сохранение и защита идентичности требуют выработки нормативных самоописаний российской государственности, ее сути, смысла, идентичности с закреплением на уровне документов программно-стратегического планирования.

Ключевые слова: идентичность государства, стратегический нарратив, интеллектуальный трансплант, идентичность, риторическое принуждение, репрезентативная власть, государственный суверенитет, искажение цивилизационного развития РФ

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтom государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Введение. Катастрофический слом исторически уникальной общественной системы, которым стал распад СССР, обусловил в 1990-х необходимость переустройства российского государства в его новой форме и на новых идейных основаниях. Процесс реформ потребовал не только перенастройки политического и административного режима, пересмотра и смены принципов распределения общественных ресурсов и благ. Возникла и еще более значимая на глубинном социетальном уровне необходимость масштабного переосмысления самой сути единства, воплощенного в новом российском государстве, — преемственного по отношению к советской и российской государственности исторически более отдаленных периодов и одновременно противопоставленного ей.

Сложившаяся ситуация носила глубокий кризисный характер. Историческая неудача в форме крупнейшей геополитической катастрофы сделала невозможной опору на сложившиеся основания общественной солидарности и институты управления, маркированные с этого момента не как «особые», «прогрессивные», «превосходящие», но как исторически «ошибочные» или эмпирически «дефектные». При этом монополизация идеологического влияния и одновременное закрепление функций критической общественной теории исключительно за партийным центром советской системы закрыли возможности для формирования собственных стратегий самоописания общества, которые позволяли бы сохранить идентитарное ядро общества в период реформ.

В условиях дефицита адекватного словаря, способного описать становящуюся общественную формацию, а также необходимости использовать устоявшуюся терминологию и вместе с тем отказывать ей в доверии рассмотрение опыта целой исторической эпохи с позиции тотального отрицания стало типичной формой политического суждения в массовой и экспертной дискуссии (см., напр.: Зубов, Салмин 1991: 42).

Предполагаемая необходимость работы над ошибками, «нормализации» общественной структуры в соотнесении к моделям стран – победителей в холодной войне как условия приобщения к мировому сообществу направила интерес общественной дискуссии к замещающим описательным и аналитическим стратегиям. В рамках постсоветской ситуации они практически неизбежно приобретали форму интеллектуальных заимствований и трансплантов.

Как правило, в стандартных условиях общественного развития роль подобных заимствованных смысловых комплексов достаточно скромна. Они служат в основном в целях заполнения ниш в тех областях, где образуется дефицит нормативно-правового регулирования, и, что принципиально важно, используются преимущественно для институционального строительства. Хотя и в этом случае их воздействие может быть амбивалентным и часто становится причиной непредсказуемых негативных эффектов (Pankevich 2014: 55-57).

В ситуации катастрофического слома после распада СССР функциональная область заимствования вышла далеко за рамки локальной необходимости заполнить возникшие пробелы в диагностике проблем в общественных состояниях и осуществить поиск возможных стратегических и правовых решений по их коррекции. Интеллектуальный импорт был направлен непосредственно в ценностный центр системы и использовался для трансформации ее идентитарного ядра – ключевых смысловых комплексов и принципов самоописания, самопонимания и рефлексии. Представленная статья исследует инструментальные и содержательные формы этого заимствования, оценивает их эффект, а также выявляет некоторые направления противодействия их искажающему потенциалу.

Заимствованные стратегии: содержательный аспект. Совокупность целого ряда заимствованных подходов

в применении к российской государственности достаточно быстро приобрела согласованные очертания, несмотря на очевидно малую совместимость их методологических принципов, посылок и аксиоматики. Влиятельная в постсоветском моменте идея *конца истории* (Fukuyama 1992)¹ в свете победы западного мира в биполярном противостоянии предполагала присоединение российского социума к базовой парадигме западного общества в виде либеральной конкурентной рыночной демократии как единственно нормативной и, по сути, единственно возможной политической форме.

Утрата статуса сверхдержавы и необходимость коррекции особенности российского государства в неожиданном качестве рядового участника международного сообщества нашли свое отражение в теориях демократического и рыночного *транзита*, которые обозначали конечный пункт реформ, необходимых для достижения финала локальной истории в ходе *догоняющего развития*. А новое место страны в мировом цикле производства – распределения – потребления определялось в рамках течения, постулирующего центр-периферийный характер структуры современной мировой системы. Эта позиция предсказуемо характеризовалась *(полу)периферийностью*, асимметрией участия в мировых рыночных обменах, институциональными дефицитами, недоразвитием, нерациональной структурой хозяйственного комплекса, в том числе стигмой *ресурсного проклятия*.

С течением времени замедленное продвижение российского общества в направлении *конца истории* и его неспособность воспроизвести нормативную форму получили свое объяснение в рамках идеи о *гибридном* характере политической системы и ее хозяйственного комплекса. В этом понимании колоссальное напряжение зависимости от итогов предыдущего развития (*path-dependence*) с неизбежностью результировало

¹ В дальнейшем создатель этой идеи, которая быстро стала клише, был вынужден пояснять, что «конец истории» в его понимании означал отнюдь не ставшее расхожим представление о прекращении развития в свете окончательной победы западной политической формы, но самую конечную цель мирового развития. На наш взгляд, это пояснение в еще большей мере обнаруживает идеологическую мотивированность всей теории (Фукуяма 2024: 18-19).

в искаженном характере институтов, повсеместно обнаруживающих свою инаковость по отношению к западным нормативам: в экономике раздатка, архаичности социальной структуры, расхождении между законодательной нормой и практикой, интенсивности неформальных практик и значимости неформальных институтов.

Особо следует указать на повреждающий характер трансфера из западного дискурса представлений о российском государстве как *несостоятельной империи*, чье единство рухнуло под напором антиколониального движения (Бовдунов 2022). Применительно к СССР этот негативно окрашенный троп был давно и прочно укоренен в западном идеологическом дискурсе. При этом в своем инструментальном качестве он, очевидно, опирался на образцы советской критики имперского опыта российской государственности до революции 1917 г., направленные на демонтаж царской России (Тихонов 2024). Дальнейшее объединение этой части самоописания российской дореволюционной действительности с политическими приоритетами биполярного противостояния создавало почву для определения СССР как империи не только в смысле ее интенсивного влияния на целый ряд государств во внешнеполитическом домене, но и во внутреннем – как порядка, основанного на колонизации, подчинении и эксплуатации внутреннего пространства.

Применение этого смыслового комплекса к становящейся новой российской государственности открыло неожиданные возможности для действия, трансформирующего ее идентитарное ядро. Утверждения о подчинении и эксплуатации народов страны напрямую способствовали укреплению потенциала сепарации национальных окраин и разрыву территориальной целостности страны.

Не меньшим негативным зарядом обладал комплекс идей, связанных с эксплуатацией государством всего пространства и населения страны – ее социального и этнического большинства – в качестве колонии (Фадеичева 2007). Итоговое представление о рыхлом образовании, возникшем в процессе *внутренней колонизации* (Эткинд 2013²), наносило ощутимые удары по легитимности российской модели развития и управ-

² Включен в реестр иностранных агентов.

ления. Практическое применение этой части указанного нарратива в полной мере проявило себя в ходе пережитого страной в 1990-е «парада суверенитетов». А последствия ощущаются и сейчас, когда результаты тридцатилетнего пространственного и социального развития страны описываются в идеологически нагруженных терминах колонизации/деколонизации отдельных регионов и территорий (Шабаев 2022).

Наконец, комбинирование представления об укорененной имперскости современного российского государства с утверждением о периферийности как его системном качестве (Кагарлицкий 2009³) создавало возможности для оспаривания позиции страны по самому широкому спектру ее действий в международном аспекте.

В совокупности разнообразных подходов описание новой российской идентичности зарубежными исследователями и ее самописание рядом российских авторов тяготели к тропу непреодолимой дефектности и тупиковости отечественной модели развития. В конечном счете данное представление позволяло сделать следующий шаг и приступить к обсуждению страны как одного из случаев упадка, попадающих в категорию *failed states*.

Стратегический нарратив как превращенная общественная теория. Сегодня массивный повреждающий эффект от подобного рода навязанных представлений достаточно часто объясняют тем фактом, что примененный категориальный аппарат тесно связан прежде всего с европейским опытом создания моделей общественной жизни и задает норматив, который неприменим в огромном количестве частных случаев в регионах за пределами европейского цивилизационного ядра. Следовательно, справедливой будет критика, которая указывает на тот факт, что «западный мейнстрим» отягощен идеологическими коннотациями и представляет собой неадекватный аналитический инструмент, возводящий исключение, представленное эволюцией государств в Европе и цивилизационном «Западе», в правило (Мартьянов 2021).

Справедлива также и более поздняя критика, связанная с раскрытием неполноты, предвзятости и идеализированного

³ Включен в реестр иностранных агентов.

характера описаний западной модели, чистота которой оказывается под сомнением в свете постоянно обнаруживающихся в ее составе включений, противоречащих либеральному/демократическому идеалу, – возрастающей роли государственного регулирования экономической деятельности, роли неформальных элитных альянсов и сменяемости власти только лишь в их рамках, nepoтизма и т.д. (Мартыанов, Руденко 2022).

Но представляется, что проблема обширнее и состоит отнюдь не только в том, что для искажающего описания и само-описания исходя из заимствованных подходов был применен не самый удачный идеологически нагруженный и расходящийся с практической реальностью категориальный аппарат. Гораздо важнее, что был использован инструментарий, созданный в условиях конкуренции с советской/российской моделью и прямо предназначенный экспертно обслуживать эту конкуренцию.

Холодная война при сравнительно низкой интенсивности собственно военно-силовой повестки все же по своей природе была состоянием активной борьбы, в котором именно гуманитарная составляющая приобрела столь принципиальное значение. Важность укоренения необходимой победителю интерпретации исхода противостояния, его результатов как справедливых и окончательных в рамках западной парадигмы вполне осознана и выражается более чем эксплицитно: «чтобы исход войны оказал влияние на людей, они должны принять ее значение» (Simpson 2012: 31, здесь и далее перевод в цитатах мой. – Н. П.); «в большинстве случаев победы одерживаются тогда, когда “противники” соглашаются с определенной интерпретацией событий» (De Graaf et al. 2015: 5). Еще более желательным выступает закрепление такой интерпретации на уровне конституционно-правового комплекса целевых государств (Carrington 2007).

В сложившихся условиях инструментом формирования нового идентитарного ядра российской политики, по сути, стали вовсе не объясняющие теории в их аналитическом аспекте, а лишь их идеологический и оценочный компонент. В итоге вопросы интерпретации идентичности российской государственности, ее содержательного наполнения решались с использованием формирующих *стратегических нарративов*, которые

обладают собственной перформативной способностью и применительно к рассмотренной ситуации по большей части лишь имитируют форму научно обоснованных подходов, выработанных в рамках уважаемых общественных теорий.

Поэтому попытка строго научного обоснования их несостоятельности как определенных *теорий* общественного развития в некотором смысле бесперспективна, поскольку природа самого объекта критики изначально иная.

Задачей общественной теории является анализ причинности и объяснение закономерностей, тогда как управленческой функцией стратегического нарратива выступает «семантическое программирование политического опыта и (производство) взаимосвязанного комплекса взаимных ожиданий... посредством символизации, типизации политических событий в пространстве и времени» (Завершинский 2019: 102). Этот инструмент формирует смысловой комплекс, позволяющий структурировать реакцию на развивающиеся события, определять способы формулирования проблем и предлагать ответные меры (Freedman 2006: 22).

При этом отличие стратегического нарратива от общественной теории состоит в его ориентированности на конкретный исход процесса, который он направляет. Именно конечная точка всего движения придает смысл всем частям его содержания целого (Roberts 2006: 712). В процессе разворачивания нарратива возникает смысловая рамка, которая удерживает весьма разрозненный микс подходов и позволяет создавать трансгрессии между их смысловыми компонентами.

Собственно, соотнесенность, непротиворечивость и смысловое единство фундаментальных предпосылок для стратегического нарратива не имеют того же значения, что им присуще в общественной теории в ее научном смысле. Задача этого инструмента прямо противоположна – способствовать реализации отдельных ангажированных политических инициатив, действий с запрограммированным результатом. А его функция как раз и состоит в связывании воедино разрозненных событий и тенденций и подчинении их инструментально заданной причинности в интерпретативной структуре, с помощью которой можно придать событию или процессу желаемый социальный смысл.

Риторическое принуждение: внешнее управление идентичностью. Основные смысловые комплексы, предложенные и заимствованные для концептуализации российской государственности в ситуации кризиса и поиска путей его преодоления, имеют все признаки ориентированности на создание определенных значимых эффектов практического характера. В отсутствие достаточных собственных ресурсов для создания теорий общественного развития в ядро самопонимания российского государства приносились идеи, кристаллизованные в процессе интеллектуальной эволюции, опирающиеся на традиции, системы референции и ценности Запада. Именно поэтому они могут рассматриваться как инструмент для обслуживания его гегемонии.

Тонкая грань между объясняющей политической теорией и формирующим стратегическим нарративом оказывается принципиальной. Речь идет не просто о формировании случайно или намеренно искаженной в абстрактном пространстве медийных коммуникаций картины цивилизационного развития страны. Она прямо влияет на распределение такого важного ресурса, как престиж, и далее программирует значительную часть практических шагов, предположительно необходимых для коррекции ситуаций, интерпретированных как отклонения от стандартной формы. А де-факто эта искаженная картина способствует изменению относительного политического веса конкурирующих в мировом пространстве акторов, их подчинению и субординации.

Очевидно, что укоренение навязанных самоописаний в общественном сознании приводит к утрате суверенного контроля над тем, что можно назвать номинативной властью – властью самоопределения. Этот организационный дефицит далее ведет к невозможности самостоятельно формировать идентичность государства и общества и делает неизбежной деградацию значительной части коммуникационного ресурса политики – как способности к трансляции собственных смысловых комплексов и ценностей как проекции влияния во внешней среде.

Данная ситуация имеет критические последствия для определения идентичности не только во внутреннем пространстве, но и для взгляда на нее извне. Более того, став самостоятельной частью внутрироссийской общественной дискуссии

и будучи возвращенными в общемировое идейное пространство уже в качестве самоописаний и саморефлексии, заимствованные концепты предстают как репрезентации истинного эндогенного самовосприятия и самопонимания страны.

Так, возвращенный в глобальную систему коммуникаций в качестве российского нарратив о периферийности указывает на то, что технологическое и социальное недоразвитие страны является не свидетельством определенного ее состояния в конкретный период, а неотъемлемой сутью системы. Принятый нарратив транзита приобретает характер сигнала о готовности к направленным реформам, ориентированным на заданный образец, и поскольку данное направление развития в конечном счете становится единственно возможным, то, соответственно, возникают потребности во внешнем организационном консультировании. Функциональность проблематики гибридности определяется фиксацией окончательности неудачи в продвижении к норме и неизбежности дефектного характера системы общественных отношений, а следовательно, служит доказательством справедливости отведенной политике периферийной позиции в мировом распределении политической и экономической силы, труда, ресурсов и благ. Приписывание российской политике качества имперскости, делегитимизированного в рамках современной мировой системы принципом суверенного равенства государств, одновременно с качеством периферийности создает представление об участнике международного сообщества, действующем за пределами своего реального статуса и веса в международных отношениях. Возможный потенциал лидерства тоже оказывается заблокированным в свете приписанной инаковости ценностных оснований и практик, которые также в этой оптике противоречат общезначимым принципам ответственного и подконтрольного обществу властного аппарата современного государства.

Примененные вместе, особенно при широкой циркуляции в общественной дискуссии внутри страны, переносе в массмедиа, в процесс создания произведений массовой культуры, нарративы периферийности и имперскости создают представление о слабом участнике международного сообщества, нуждающемся в опеке, покровительстве, направляющем организационном содействии и (по необходимости) – в дисциплинировании и принуждении.

Очевидно, здесь проявляется эффект, получивший в западном дискурсе название *риторическое принуждение*. Он возникает в результате коммуникационной асимметрии, когда доминирующий актор оказывается способен навязать оппоненту позицию и действия, которые в противном случае были бы отвергнуты (Krebs, Jackson 2007: 36). В такой ситуации репрезентативная сила и принуждение трансформируются в метавласть – способность доминирующих акторов к реконфигурации, формированию или воссозданию идентичности целевых сообществ (Singh 2012: 472).

Однако в случае конформного заимствования подобное принуждение может рассматриваться уже и как легитимное, поскольку предположительно преследует добросовестные цели помощи и обеспечения процесса реформ превосходящим экспертным знанием и практическим опытом, и как добровольное, поскольку подчиняемый актор самостоятельно и инициативно выступает в качестве субъекта, заинтересованного во взаимодействии.

Так, например, признание ценностного и институционального несовершенства системы защиты прав человека в становящемся российском государстве и вместе с тем превосходящего престижа западной модели демократии и защиты прав человека предопределило вынос значимой части функций справедливости и разрешения конфликтов за пределы правовой системы РФ – в Европейский суд по правам человека. Подчинение уже на конституционном уровне правовой системы страны внешнему арбитру имело весомые последствия.

Реализация такой субординации одновременно создала новый значимый канал для дальнейшего экспорта и интеграции в правовую систему норм внешнего генезиса и сформировала условия для возникновения громких ситуаций, которые часто наносят непоправимый репутационный и материальный ущерб. Исправление этой ситуации потребовало проведения конституционной реформы, которая укрепила оградительные механизмы для попыток внешнего нормирования. Исправление множества сходных ситуаций еще предстоит.

Стратегический нарратив: не только риторика. В оценке глубины воздействия на целевые общества важно и то, что стратегический нарратив предназначен не только

для формирования определенного мнения или восприятия ситуации. Являясь интегратором дискурсивных коалиций – политически и медийно активных групп, он становится инструментом модификации социальной структуры общества (Панкевич 2023). Особую роль в процессах интеллектуального экспорта-импорта приобретают возникающие в структуре целевого социума эпистемные сообщества, ориентированные на определенный идейный комплекс.

Именно поэтому форма внешнего идеологического воздействия по обладавшему в советский и ранний постсоветский период высочайшим общественным престижем нестандартному каналу, которым является научная дискуссия, не должна маскировать стратегический характер примененных смысловых комплексов. В рассматриваемом случае вряд ли будет справедливо просто говорить лишь о тех неизбежных искажениях и погрешностях в понимании общественного развития, которые связаны с невозможностью обеспечить абсолютную объективность самого добросовестного исследователя общественных отношений и его зависимостью от ценностных и идейных предпочтений, обусловленных социализацией в определенной ценностной парадигме. Важно, что присущая научной сфере операциональная автономия в выдвижении и обосновании тех или иных гипотез определенно служила повышению статуса и практической эффективности подобного воздействия. Видимая востребованность импортированных идей и их широкая циркуляция в научном, а затем и в медийном пространстве способствовали восприятию основных тезисов как консенсусных для российского общества.

При этом локализация научной деятельности в структуре общественных отношений предоставляла прямой доступ к трансляции идей центрам разработки стратегий общественного развития и принятия конкретных политических решений. Очевидна и обратная связь, возникающая в структуре медиасреды: интересы и стратегии определенных игроков, демонтирующих управленческую систему и осуществляющих вынос тех или иных властных функций за пределы государства, легитимировались с позиций «передовых общественных теорий».

Тридцатилетний опыт государственного строительства после распада СССР ярко свидетельствует о том, что сохранение

репрезентативной силы государства, связанное с устойчивостью представлений о себе, своей сути и природе, имеет критическую значимость. Оно локализовано «выше» и «за пределами» всех конкретных ролей и функций, состояний и статусов, которые могут быть свойственны или в силу многообразных причин предписаны политике в конкретно-исторических обстоятельствах. Субъектность государства прямо зависит от сохранения конфигурации социолингвистических систем, определяющих его идентичность (Mattern 2005: 97). Поэтому контроль над таким важным идентитарным ресурсом, как самопонимание и самоописание, можно с уверенностью отнести к числу компонентов социальной безопасности.

Заключение. В современных условиях способность противостоять риторическому принуждению зримо усложняется в связи с формированием новых медиаландшафтов, открывающих перспективы становления новых типов акторов, оказывающих давление на содержательные компоненты государственной идентичности. Речь идет о фактически неизвестных на момент слома советской системы децентрализованных транснациональных политических мотивированных сообществах, которые действуют поверх государственных границ. Сегодня активизм таких экстратерриториальных общностей чрезвычайно значим – он создает новые смыслы, альтернативные идеологии, способы и каналы внедрения идей в общественную дискуссию.

Вместе с тем, опыт постсоветского периода ценен тем, что прямо указывает факторы, ведущие к острому дефициту собственных ценностных оснований и смысловых комплексов, способных оградить идентитарное ядро общества от масштабной инъекции семантического программирования за счет внешних оценочных, политически мотивированных стратегических нарративов. При всей важности контроля над духовным и ценностным пространством страны монополизация идеологической функции и ее слияние с функцией выработки критической общественной теории, закрывающие общественную дискуссию, несут в себе очевидные риски необходимости обращения к замещающим смысловым комплексам. Многие, если не большинство из них, со временем обнаруживают свою идеологическую и инструментальную заряженность.

Сохранение и защита идентичности требуют выработки нормативных самоописаний российской государственности, ее сути, смысла, идентичности. Опора на них создаст необходимый запас стабильности и предсказуемости ценностных ориентиров во внешне- и внутриполитическом пространстве. Представляется, что данные смысловые комплексы должны вырабатываться и закрепляться в рамках принятия документов стратегического планирования и отражать как исторически раскрывшийся характер российской идентичности, так и перспективу ее развития.

Данная работа начата, и ее результаты закреплены, например, в рамках Концепции внешней политики РФ, Концепции государственной языковой политики. Ее продолжение может быть связано как с разработкой новых инструментов и концепций стратегического планирования, так и с обогащением новым нормативным содержанием уже существующих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бовдунов А.Л. 2022. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неокOLONиализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 22, № 4. С. 645–658. DOI 10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658

Завершинский К.Ф. 2019. Политическая культура как символическая «пересборка» политического // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭК. Т. 15, № 1. С. 88–107. DOI 10.21638/11701/spbu23.2019.107

Зубов А.Б., Салмин А.М. 1991. Союзный договор и механизм выработки нового национально-государственного устройства СССР // Полис. Политические исследования. № 1. С. 42–57.

Кагарлицкий Б.Ю.* 2009. Периферийная империя: циклы русской истории. Москва : Алгоритм : Эксмо. 576 с.

Мартьянов В.С. 2021. В поисках другого мейнстрима // Полис. Политические исследования. № 4. С. 112–131. DOI 10.17976/jpps/2021.04.09

Мартьянов В.С., Руденко В.Н. 2022. Магия белого прогрессора: от глобального каргокульта к новой политической нормальности // Политика. № 1. С. 24–49. DOI 10.30570/2078-5089-2022-104-1-24-49

Панкевич Н.В. 2023. Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и институциональному

* Включен в реестр иностранных агентов.

развитию государственной политики единства // Антиномии. Т. 23, № 2. С. 47–76. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_47

Тихонов В. 2024. «Деколонизация» истории народов СССР в советской историографии (1920–1930) // Quaestio Rossica. Т. 12, № 1. С. 193–208. DOI 10.15826/qr.2024.1.873

Фадеечева М. 2007. Урал в системе «внутреннего колониализма» // Свободная мысль. № 6. С. 45–54.

Фукуяма Ф. 2024. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. Москва : Альпина Паблишер. 255 с.

Шабаетов Ю.П. 2022. «Новый» Русский Север: историческая провинция в тисках социальных и политических проблем // Вестник Российского университета дружбы народов: Политология. Т. 24, № 4. С. 757–778. DOI 10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778

Эткинд А.* 2013. Внутренняя колонизация. Москва: Новое лит. обозрение. 448 с.

Carrington P.D. 2007. Writing Other Peoples Constitutions // North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation. № 33. P. 168–217.

De Graaf B. et al. 2015. Introduction: Shaping Societies for War: Strategic Narratives and Public Opinion / B. De Graaf, G. Dimitriu, J. Ringsmose // Strategic Narratives, Public Opinion, and War / Eds. B. De Graaf, G. Dimitriu, J. Ringsmose. London : Routledge. P. 3–13. DOI 10.4324/9781315770734-9

Freedman L. 2006. Networks, Culture, and Narratives // Adelphi Papers Series. Vol. 45, № 379. P. 11–26. DOI 10.1080/05679320600661640

Fukuyama F. 1992. The End of History and the Last Man. New York : The Free Press. 455 p.

Krebs R.R., Jackson P.T. 2007. Twisting Tongues and Twisting Arms: The Power of Political Rhetoric // European Journal of International Relations. Vol. 13, № 1. P. 35–66. DOI 10.1177/1354066107074284

Mattern J.B. 2005. Ordering International Politics: Identity, Crisis, and Representational Force. London : Routledge. 316 p.

Pankevich N. 2014. Phenomena of legal transplants related to the social model of the post-Soviet countries // Transformation durch Rezeption? / hrsg. E. Kurzynsky-Singer. Tübingen : Mohr Siebeck. S. 39–64.

Roberts G. 2006. History, Theory and the Narrative Turn in IR // Review of International Studies. Vol. 32, № 4. P. 703–714.

Simpson E. 2012. War From the ground up: twenty-first-century combat as politics. New York : Columbia Univ. Press. 256 p.

Singh J.P. 2012. The Meta-Power of Interactions: Security and Commerce in Networked Environments // The Meta-Power Paradigm: Impacts and Transformation of Agents, Institutions, and Social Systems: Capitalism, State, and Democracy in a Global Context / Tom R. Burns, Peter M. Hall (Eds.). Frankfurt am Main [etc.] : Lang. 554 p.

* Включен в реестр иностранных агентов.

Natalia V. Pankevich

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Russian Statehood and the Western Strategic Narrative: Identity versus Rhetorical Coercion

Abstract. The article examines instrumental and substantive forms of borrowing from Western ideological complexes by Russian social theory during the period following the collapse of the USSR. Along with an assessment of their damaging effect, some directions for counteracting their distorting potential are proposed. The process of transferring borrowed ideological complexes is shown to involve a toolkit created under conditions of competition with the Soviet/Russian model and directly intended for expert support of this competition. It is shown that the borrowed items were directed to the value centre of the system and used for the transformation of its identity core. The instrumental nature of the applied techniques is revealed through the concept of strategic narrative as a technique for the semantic programming of political experience along with its substantive components, qualifying features and scope of action in ideological, social and managerial spaces. Common semantic complexes used to describe and self-describe Russian statehood are considered as strategic narratives. A direct dependence of the state's subjectivity on its preservation of the systemic sociolinguistic configuration that determines its identity and the ability to resist rhetorical coercion from external centres of influence is revealed. A number of directions for the protection and development of the representative power of the Russian Federation under contemporary conditions are proposed. In particular, it is shown that the preservation and protection of identity require the development of normative self-descriptions of Russian statehood in terms of its essence and meaning consolidated at the level of programme and strategic planning documents.

Keywords: state identity; strategic narrative; intellectual transplant; identity; rhetorical coercion; representative power; state sovereignty; distortion of the civilisational development of the Russian Federation